

Лев Николаевич Толстой о психическом развитии ребенка в светлую пору детства

Lev Nikolaevich Tolstoy about the mental development of a child in the bright times of childhood

DOI: 10.12737/2500-3305-2023-8-5-10-32

УДК 37.00

Урунтаева Г.А.

Д-р психол. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ

Uruntaeva G.A.

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation

Аннотация

В статье рассматривается система взглядов русского писателя Л.Н. Толстого (1828-1910) о психическом развитии на первом этапе детства в одноименной повести (1852). В счастливую незабвенную эту пору жизни превращают глубокие эмоционально-личностные связи ребенка с матерью, удовлетворяя его потребность в беспредельной любви самого близкого человека. Целостная картина психического развития представляет, с одной стороны, взаимосвязи его факторов – социальный мир дворянской семьи и светского общества; тесное непосредственное общение с близкими взрослыми и детьми; освоение ребенком разнообразных видов деятельности, предусмотренных домашним дворянским воспитанием; познавательная активность ребенка, направленная на вхождение в социум и его понимание. Эта картина, с другой стороны, раскрывает всестороннее становление, интеграцию всех сфер душевной жизни ребенка – чувств, разума, поступков в своеобразии мировосприятия, самосознания и самонаблюдения, поисков нравственных критериев различения добра и зла, индивидуальности ребенка, складывающейся как степень выраженности тех или иных особенностей во всех сферах развития. Главными приобретениями психического развития являются осознанность, произвольность поведения, деятельности, чувств, возможность управлять ими и контролировать их протекание. Счастливая эпоха детства заканчивается встречей ребенка с трагической тайной человеческого бытия – смертью родного человека, вызванными ею переживанием невосполнимой утраты, разрывом невосполнимых эмоционально-личностных связей с самыми близкими, горячо любимыми взрослыми и родным домом, знаменуя переход к новой эпохе – отрочеству, где есть горе и страдания, разлука и печаль.

Ключевые слова: дворянская среда, детство, индивидуальность, психическое развитие, самолюбие, самонаблюдение, самооценка, самосознание, ситуативность и произвольность поведения, чувства.

Abstract

The article examines the system of views of the Russian writer L.N. Tolstoy (1828-1910) about mental development at the first stage of childhood in the story of the same name (1852). The deep emotional and personal connections of a child with his mother turn this

time of life into a happy, unforgettable time, satisfying his need for the boundless love of the closest person. A holistic picture of mental development represents, on the one hand, the interconnections of its factors - the social world of the noble family and secular society; close direct communication with close adults and children; the child's mastery of various types of activities provided for by the home education of the nobility; cognitive activity of the child aimed at entering society and understanding it. This picture, on the other hand, reveals the comprehensive formation, integration of all spheres of the child's mental life - feelings, mind, actions in the uniqueness of worldview, self-awareness and introspection, the search for moral criteria for distinguishing between good and evil, the child's individuality, which develops as the degree of expression of certain features in all areas of development. The main acquisitions of mental development are awareness, arbitrariness of behavior, activity, feelings, the ability to manage them and control their course. The happy era of childhood ends with the child's meeting with the tragic secret of human existence - the death of a loved one, the resulting experience of irreparable loss, the severance of irreparable emotional and personal ties with the closest, dearly loved adults and home, marking the transition to a new era - adolescence, where there is grief and suffering, separation and sadness.

Keywords: noble environment, childhood, individuality, mental development, pride, introspection, self-esteem, self-awareness, situational and arbitrary behavior, feelings

Введение

Интерес исследователей, педагогов-практиков к процессу психического развития ребенка в зависимости от роли природных и социальных условий, становлению личности в детстве способствовал началу оформления возрастной психологии как отрасли российской науки в середине XIX в. Тогда же в русскую литературу вошла тема «дорогого, незабвенного» детства, достигнув вершины в «Детстве» Л.Н. Толстого (1852) и «Детских годах Багрова-внука» С.Т. Аксакова (1858) [20, с. 243]. Эти произведения определили формирование национального русского мифа о «золотом, счастливом детстве» с его особой взаимосвязью с материнским началом как основы личности человека [11, с. 16], показали, что уже в детстве начинается различение национальных психологических типов [20, с. 253]. В конце XIX – начале XX в. ученые в поисках фактов о психологии ребенка обратились к художественной литературе о детстве, превратив ее анализ в особый метод познания процесса и условий, внутренних и внешних причин психического развития ребенка, его индивидуальности [16]. Главным требованием к текстам явилась глубина психологизма в изображении детской души, например, в описаниях Толстым, художником-реалистом, педагогом-практиком и теоретиком, гуманистом, искренне любящим детей, разнообразных детских типов с их индивидуальными особенностями, формирования личности в главнейшие моменты ее духовного развития от детского непосредственного отношения к миру до идеализма юношеского возраста [2, 3, 5 и др.]. Мастерство психологического анализа в раннем творчестве Толстого, прежде всего в повести «Детство», подчеркнул Г.Н. Чернышевский (1856), указав, что наряду с традиционными его формами, как описание очертаний характеров, влияния на них общественных отношений и житейских столкновений, страстей, связи чувств с действиями, писатель обратился к анализу «самого психического процесса, его форм, его законов» – «диалектике души» [17, с. 422-423]. Он «не ограничивается изображением результатов психического процесса: его интересует самый процесс, – и едва уловимые явления этой внутренней жизни, сменяющие одно другим с чрезвычайной быстротой и неистощимым разнообразием» [17, с. 426]. Отметим, что повесть «Детство», первая часть трилогии («Детство», «Отрочество»,

«Юность», 1852-1857) ознаменовала начало творческого пути Льва Николаевича Толстого (1828-1910). Определяя возрастные границы этапов развития ребенка в трилогии, обозначенных в русском языке как детство, отрочество, юность, писатель, возможно, ориентировался на первую в европейской науке того времени подробную периодизацию психического развития, предложенную Ж.-Ж. Руссо. Согласно принятой в современной отечественной детской психологии периодизации к детству относят начальные периоды онтогенеза (раннее детство, дошкольный и младший школьный возраст) от рождения до подросткового возраста в 10-11 лет [19, с. 76], т.е. и героя «Детства». В повести Толстой использовал необычную форму изложения: взрослый человек, вспоминая о своем прошлом, переживает его заново, причем свои детские поступки и чувства анализирует беспристрастно, часто беспощадно не только ребенок, но и взрослый. Так писатель совместил два плана изображения – детского и взрослого отношения к миру, определив характер, возможности и границы его познания и оценки ребенком. Например, глазами Николеньки, главного героя повести, показана восторженность Сережей Ивиным, а причины ее перемены – взрослым, пережившим любовь и измены. Характеристика отца в главе «Что за человек был мой отец?», оценка переживаний застенчивости, тщеславия, горя и др. дана опытным в понимании психологии людей человеком. Посвящая повесть вопросам взросления ребенка в детстве, Толстой, не согласный с названием, данным ей в журнале «Современник», написал Н.А. Некрасову, его руководителю, 18 ноября 1852 г.: «Заглавие «Детство» и несколько слов предисловия объясняли мысль сочинения; заглавие же «История моего детства» противоречит с мыслью сочинения. Кому какое дело до истории моего детства?..» [15, с. 55]. Исследователи считали, что, опережая психолого-педагогическую науку своего времени, Толстой рассмотрел в первую светлую пору детства становление внутреннего мира ребенка, т.е. зарождение интереса не только к происходящему вокруг, но и в нем самом – движению впечатлений, переживаний, размышлений во всей их сложности и противоречивости; формирование личности в борьбе положительной природы человека над отрицательными жизненными воздействиями в условиях окружающей среды – дворянской семьи и светского общества, встречающей его радостями и тревогами [1, 4, 7, 8, 12, 13, 18, 20 и др.]. Но ученые обращали внимание не на соотношение отдельных сфер и условий психического развития, а подчеркивали, зачастую, как ведущую в этом процессе – эмоциональную сферу и как его главное условие – отрицательное влияние светского общества. Обратимся к системе взглядов Толстого о психическом развитии в детстве в одноименной повести, т.е. целостной картине этого процесса во взаимосвязи его внешних и внутренних факторов, всех сторон душевной жизни ребенка, а также возрастнo-индивидуальных качеств мальчика в конкретных обстоятельствах его жизни, опираясь на метод познания детской души в художественной литературе. Напомним, что описание жизни в последние полгода детства десятилетнего Николеньки Иртеньева из богатой помещичьей семьи, состоит из трех частей. Первые две повествуют о дне в родительском поместье, отъезде следующим утром и дне именин бабушки в ее московском доме, третья – о смерти матери и няни Натальи Савишны.

День в родном поместье

Детский мир Николеньки, ограниченный рамками дворянской семьи и деревенской усадьбы, был наполнен добротой, теплом и любовью близких людей (родители, няня, домашний учитель), а потому убеждал мальчика, что все в нем должно быть хорошо, тем самым превращал этот возраст в счастливую, лучшую, гармоничную пору жизни человека. Николенька отметил своеобразие своих впечатлений о ней, их огромное положительное влияние на самоощущение

взрослого человека: «Счастливая, счастливая невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений» [14, с. 48]. Чувствами благоговения и грусти к навсегда утраченной светлой эпохе наполнены воспоминания взрослого Николеньки: «Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которым обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две добродетели – невинная веселость и беспредельная потребность любви – были единственными побуждениями в жизни? Где те горячие молитвы? где лучший дар – те чистые слезы умиления? Прилетал ангел-утешитель, с улыбкой утирал слезы эти и навевал сладкие грезы неиспорченному детскому воображению. Неужели жизнь оставила такие тяжелые следы в моем сердце, что навеки отошли от меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминания?» [14, с. 48]. То есть детство для Толстого – удивительный и прекрасный этап жизни, время интересных открытий и необыкновенных событий, когда ребенок искренне радуется и печалится по самым, казалось бы, незначительным поводам, горячо любит своих родных и близких, учится различать добро и зло. Для него в этом возрасте характерны непосредственность, чистота и безмятежность, огромная потребность в любви, сила веры, неиспорченное воображение. Под психическим развитием в детстве Толстой понимал становление внутреннего мира ребенка в совокупности чувств, разума, воли, приводящих к поступкам, как нравственным, так и аморальным согласно традиционным для того времени представлениям о важнейших сферах психики человека. Это становление, осуществляясь в условиях взаимодействия Николеньки с миром близких взрослых, принадлежащих к дворянской среде, строилось как его непосредственное общение с членами семьи (родители, брат Володя, сестра Любочка, бабушка), воспитателями (домашний учитель Карл Иваныч, няня Наталья Савишна), сверстниками (Катенька, дочь гувернантки Мими, Сережа Ивин, Илинька Грап, Сонечка Валахина). Вхождению мальчика в социальный мир способствовали его исследовательская активность, любознательность, наблюдательность, направленные на познание характера людей, понимание их отношения к нему, оценок его личности.

Общение взрослых с Николенькой базировалось на их любви к нему, проявляющейся по-разному: матушка, лаская, утешая, защищая, любила нежно, беззаветно, няня – участливо, учитель – строго, отец – небрежно, чуть издалека. Мальчик отвечал матушке беспредельной любовью, няне – капризной, учителю – жалостливой, отцу – почтительной. И все-таки в центре детства стояло духовное единство матери и сына, основанное на взаимной любви, превращая этот возраст в материнский. Эмоционально-образная память Николеньки сохранила смутный образ любимой матери с нечетко, как сквозь слезы, видимыми отдельными, но значимыми ее чертами, ярко отражающими не только важные нравственные качества и чувства матери, но и ее любовь к сыну. Ему представлялись «только ее карие глаза, выражающие всегда одинаковую доброту и любовь, родинка на шее, немного ниже того места, где вьются маленькие волосики, шитый белый воротничок, нежная сухая рука, которая так часто ласкала и которую я так часто целовал; но общее выражение ускользает от меня» [14, с. 10]. Улыбка, как главная особенность матушки делала ее и так красивое лицо несравненно лучше, и все как будто веселело вокруг. Мальчику казалось, «что в одной улыбке состоит то, что называют красотой лица: если улыбка прибавляет прелести лицу, то лицо прекрасно; если она не изменяет его, то оно обыкновенно; если портит его, то оно дурно» [14, с. 11]. Николенька был уверен, что он не знал бы горя, если в тяжелые жизненные минуты мог хотя бы мельком увидеть ее улыбку. По вечерам в блаженном состоянии засыпания он отождествлял «счастливую, невозвратимую

пору детства» с образом матушки. Вглядываясь пристально отуманенными дремотой глазами в ее лицо, он делал интересное открытие: ясно видел ее маленькой с лицом не больше пуговки, а при еще большем прищуривании глаз она становилась совсем крошечной. Взаимодействие всех органов чувств засыпающего Николеньки создавало наглядный образ любимой матушки в совокупности разносторонних чувственных качеств. Над его ухом звучал милый знакомый голос, сладкие приветливые звуки которого так много говорили его душе. Она трогала его, он слышал ее запах и голос. По одному нежному прикосновению узнавал ее чудесную руку. Она улыбалась своей грустной очаровательной улыбкой, обнимала руками голову мальчика, целовала, клала его себе на колени, изливая на него всю свою любовь и нежность, спрашивала, любит ли он ее, не забудет ли, когда ее не будет, просила всегда любить и не забывать. А Николенька в ответ обвивал руками ее шею, задыхаясь говорил о своей любви и целовал ее со слезами любви и восторга. Так, в непосредственно-личностном общении с матушкой складывался наглядно-образный характер и положительно-эмоциональная окрашенность познания окружающего мира. Поэтому перед иконами он просил господина спасти родителей. Повторяя молитвы, усвоенные от матери, любовь к ней и к богу сливались в одно чувство. Заметим, что эти два чувства, по мнению Толстого, сильны в именно в детстве, поскольку мать и няня, принадлежавшие к типу религиозных и христиански-добродетельных женщин, были в наибольшей мере близки к ребенку. После молитвы в постели у Николеньки на душе становилось легко, светло и отраднo; неуловимые мечты, исполненные чистой любовью и надеждами на светлое счастье, подчеркнем, не только для себя, но и для близких, сменяли друг друга. Теперь вспоминая с любовью и жалостью единственного знакомого несчастного человека, Карла Иваныча, его горькую участь, мальчик со слезами просил: «Дай бог ему счастья, дай мне возможность помочь ему, облегчить его горе; я всем готов для него пожертвовать»... Еще помолишься о том, чтобы бог дал счастья всем, чтобы все были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бок, мысли и мечты перепутаются, смешаются, и уснешь тихо, спокойно, еще с мокрым от слез лицом» [14, с. 47-48]. На развитие впечатлительности, чувствительности Николеньки повлияло не только непосредственно-эмоциональное общение с матушкой, но и домашнее воспитание – исполнение ею музыкальных пьес на рояле. Эмоциональная память сохранила возбуждаемое их восприятием чувство, увлекающее, неотразимое, но неопределенное, не вызывающее сознательное представление, похожее «на воспоминания; но воспоминания чего? казалось, что вспоминаешь то, чего не было» [14, с. 33-34]. Второй концерт Фильда вызывал какие-то легкие, светлые, прозрачные воспоминания, а патетическая соната Бетховена – воспоминания чего-то грустного, тяжелого, мрачного. Так складывалась эмоционально-образная память мальчика, отражающая важные события прошлого, прежде всего общение с матерью. Воспоминания о них закладывали фундамент памяти личности, истории жизни, включенной в историю близких, образ себя в прошлом.

Предвестником предстоящей разлуки с матушкой, а возможно, и ее смерти, стали выдуманный Николенькой страшный сон о ее кончине, а также непонятое никем предсказание юродивого: «жалко!.. улетела... улетит голубь в небо... ох, на могиле камень!» [14, с. 21]. Грусть разлуки с матерью – первое горе Николенька пережил во время утренних сборов к отъезду в Москву. Беззаботный, нетерпеливый, испытывая только сильное желание ехать, он не думал о грусти расставания. Ею он заразился от вида переживаний окружающих. Впечатлительному мальчику стало особенно грустно, страшно, больно и даже захотелось, не прощаясь с матушкой, убежать, когда он услышал ее голос, «увидел ее дрожащие губы и глаза, полные слез» [14, с. 44]. Он плакал, обняв ее, думая лишь

о своем горе. Когда в передней дворовые прощались с отъезжающими, Николенька не смог посмотреть на мать, ведь тогда ее и его горесть достигли бы невероятных размеров. Он ничего не видел из коляски, инстинктивно зная, что она здесь. Все-таки решив посмотреть на нее в последний раз, Николенька высунулся, а мать с грустной улыбкой крепко поцеловала его, подчеркнем, в последний раз. Когда коляска отъехала несколько сажен, он, увидев мать, медленно поднимающуюся на крыльцо, стал захлебывался от слез, боясь задохнуться. Заметив с большой дороги, как кто-то махал с балкона белым платком, он стал махать своим. Хотя это движение его немного успокоило, он продолжал плакать. О переживании тщеславия, выставления своих достоинств говорила приятная и отрадная мысль о том, что слезы доказывают его чувствительность. Отъехав с версту, мальчик стал внимательно смотреть вокруг. И хотя его слезы еще не высохли, мысленно он уже отделился от матери, расставшись с ней навсегда. Вспомнив ее, няню, девочек, он пожалел их с недолгими слезами, т.е. пережив горе разлуки, он был открыт для новой жизни.

Возможно, мать понимала значение детства в духовном развитии ребенка и свою роль в заботе о нем. Поэтому ее предсмертное письмо к отцу звучало как гимн бессмертной материнской любви: «Кончится ли с жизнью моя любовь к тебе и детям? Я поняла, что это невозможно. Я слишком сильно чувствую в эту минуту, чтобы думать, что то чувство, без которого я не могу понять существования, могло бы когда-нибудь уничтожиться. Душа моя не может существовать без любви к вам: а я знаю, что она будет существовать вечно, уже по одному тому, что такое чувство, как моя любовь, не могло бы возникнуть, если бы оно должно было когда-нибудь прекратиться. Меня не будет с вами, но я твердо уверена, что любовь моя никогда не оставит вас, и эта мысль так отрадна для моего сердца, что я спокойна и без страха ожидаю приближающейся смерти» [14, с. 84]. Немного позднее в психолого-педагогической науке стало утверждаться представление о социальной значимости материнства именно в детстве. Одним из первых ее подчеркнул Н.И. Пирогов, врач-хирург, педагог: «Пусть женщины поймут свое высокое предназначение в вертограде человеческой жизни. Пусть поймут, что они, ухаживая за колыбелью человека, учреждая игры его детства, научая его уста лепетать и первые слова, и первую молитву, делаются главными зодчими общества. Краеугольный камень кладется их руками» [10, с. 83].

Наравне с матушкой близким человеком для Николеньки была Наталья Савишна, любовь и ласки которой он помнил с тех пор, как помнил себя. Лишь ей он доверил свои детские мечты, горестные слезы о смерти матери. Привыкнув к бескорыстной, нежной любви няни, он не представлял, чтобы могло быть иначе, не был благодарен ей и никогда не задумывался о том, счастлива ли, довольна ли она, и тем более о том, насколько искалечена ее жизнь. Только повзрослев, Николенька оценил няню – понял, каким эта старушка была редким и чудесным созданием, ведь она никогда не думала о себе, вся ее жизнь была любовь и самопожертвование.

Любознательного, впечатлительного мальчика привлекали искренние, оригинальные натуры с чистыми, правдивыми чувствами: няня – подлинно человеческой привязанностью к матушке, юродивый странник Гриша – огромной религиозной верой. Его вид вызвал у Николеньки смешанное чувство сожаления, страха и грусти. Вечером с братом и девочками он уже с другими чувствами – детского удивления, жалости и благоговения следил из темного чулана за необыкновенным событием – молитвой Гриши с его движениями, религиозным восторгом, нескладными и трогательными словами. Вместо ожидаемых веселья и смеха мальчик ощутил умиление, дрожь и замирание сердца. Он даже не обратил внимания на боль в ноге от щипка Володи. Эмоциональная память сохранила неизгладимое впечатление от молитвы юродивого и возбужденное ею чувство: «О

великий христианин Гриша! Твоя вера была так сильна, что ты чувствовал близость бога, твоя любовь так велика, что слова сами собою лились из уст твоих – ты их не поверял рассудком... И какую высокую хвалу ты принес его величию, когда, не находя слов, в слезах повалился на землю!..» [14, с. 38].

Отношение Николеньки к чудаковатому, недалекому, но доброму и честному Карлу Иванычу складывалось на основе взаимной любви и уважения, внимательных наблюдений за внешностью и поведением старика, знания истории его жизни, приводя к тем или иным поступкам. Заметив заботу учителя о своих вещах, обычно аккуратно лежащих на привычных местах, Николенька пришел к выводу о его характере: совесть его чиста, а душа спокойна. Вид наставника, грустно сидящего в кресле, вызывал жалость к нему-сироте, сочувствие к ужасной истории его жизни: «Бедный, бедный старик! Нас много, мы играем, нам весело, а он – один-одинешенек, и никто его не приласкает» [14, с. 8]. Тогда Николенька брал его руку со словами «Милый Карл Иваныч!», а тот растроганный, любивший такое обращение, в ответ всегда ласкал. Мальчик сопереживал его горю – известию о несправедливой отставке, ощутил боль от того, что любимые им отец и учитель не поняли друг друга, задумался о том, как примирить их. Так формировалась интеграция чувств, мысли и поступков Николеньки, различение добра и зла.

Карла Иваныча мальчик воспринимал в двух социальных ролях: как любящего, заботливого воспитателя и требовательного наставника, справедливо наказывающего за ошибки в учении. На черной доске, висевшей в классной, Карл Иваныч отмечал наглядно и понятно проступки братьев: кружками – большие, крестиками – маленькие. Образная память наблюдательного мальчика сохранила ярое представление об угле, в который учитель ставил их на колени, свои переживания и действия при стоянии в нем: «Помню заслонку в печи, отдушник в этой заслонке и шум, который он производил, когда его поворачивали. Бывало стоишь, стоишь в углу, так что колени и спина заболят, и думаешь: «Забыл про меня, Карл Иваныч, ему, должно быть, покойно сидеть на мягком кресле и читать свою гидростатику, – а каково мне?» – и начнешь, чтобы напомнить о себе, потихоньку отворять и затворять заслонку или ковырять штукатурку со стены; но если вдруг упадет с шумом слишком большой кусок на землю – право, один страх хуже всякого наказания. Оглянешься на Карла Иваныча, – а он сидит себе с книгой в руке и как будто ничего не замечает» [14, с. 9]. Очевидно, осознавав себя субъектом учебной деятельности, Николенька понимал, что Карл Иваныч, как наставник и учитель, оценивал успех или неуспех мальчика как ученика, а не его личность, поэтому наказание за ошибки в учении не задевало его самолюбия. Но иногда Николенька, приняв меру наказания, все-таки ощущал ее несправедливость из-за непонимания причины его эмоционального состояния учителем. Так, расстроенный известием о предстоящей разлуке с матушкой он не сдержал чувства и потому не сосредоточился на книге диалогов, а при чистописании оставил много клякс на бумаге от слез. Карл Иваныч рассердился на мальчика, поставил его на колени, угрожал линейкой, требовал, чтобы он попросил прощения, а тот не мог сказать ни слова из-за слез. Подчеркнув сердечность как отличительную черту Карла Иваныча, А.К. Бороздин отметил, что в отличие от формализма, второго начала в воспитании, именно сердечность «есть один из сильнейших, если не самый сильный двигатель воспитания: она рождает любовь воспитанника к воспитателю, а при помощи этой любви воспитатель может достичь таких результатов, к каким не приведут и самые усовершенствованные педагогические приемы» [3, с. 787-788].

Отношения братьев с отцом, занятым делами в поместье, тайными страстями и увлечениями, не были близкими. Так, лишь Володя, как старший, осмелился попросить его взять на охоту девочек. Отец мог одним жестом указать

на недостойность действия Николеньки: положив руку на плечо сына, он направил его легким движением от стола в своем кабинете, когда тот случайно прочел ему непредназначенное – адресата на конверте «Карлу Иванычу Мауеру». Отец поддержал желание Николеньки активно участвовать в охоте, как истинно мужское, разрешив взять собаку и указав место для ожидания зайца. Иногда замечания отца оскорбляли Николеньку, как о его вихрах или на балу о том, что не следовало танцевать мазурку, не умея, хотя отец и закончил за него тур. Уже взрослый он отметил такие качества отца: гордость, самоуверенность и самонадеянность, чувствительность и даже слезливость; а также умения: нравиться всем без исключения, прежде всего тем, которым хотел нравиться; одеваться не модно, но оригинально и изящно; скрывать от других темную сторону своей жизни. Некоторые из них братья переняли, подражая как примеру мужским занятиям и поведению в свете отца, ведь непосредственно в их воспитании он не участвовал. Повзрослев, Николенька увидел за блестящей светской репутацией отца его аморальность, как картежника и сластолюбца.

Николенька не сомневался в сообразности принятого в семье распорядка дня, который, заметим, приучал к организованности, дисциплинированности, уважению родителей. По утрам Карл Иваныч сначала вел братьев здороваться с матушкой, потом с отцом, затем учил в классах, об обеде объявлял пунктуальный дворецкий Фока, по вечерам в гостиной дети слушали музыку, рисовали, а иногда семья выезжала на охоту. Только правила гувернантки Марьи Ивановны, Мими, по мнению Николеньки, строгой и сердитой, даже грозной, единственной несносной особы, он ненавидел, например, указания говорить по-французски, а не по-русски, есть за обедом с хлебом, правильно держать вилку. При ней запрещалось о чем-то говорить, ведь она все считала неприличным. Она требовала, чтобы, войдя в гостиную, братья подходили к ней, здоровались, шаркали ногой и лишь потом вступали в разговор с девочками.

Николенька не задумывался о противоречиях в сословных отношениях «барин – слуга». Он привык, что пожилой дядька Николай, взрослые охотники обращались к братьям почтительно на «вы» и по имени-отчеству, приказчик Яков Михайлов слушал стоя распоряжения отца в его кабинете, юродивый Гриша обедал за отдельным столиком и пр. И все-таки наблюдательный исследователь стал замечать разногласия, ложь, обман в будничной жизни взрослых, ощущать присутствие в мире не только гармонии, но горя и страданий. Увидев, как «тайные мысли» Якова отражались в его быстрых движениях пальцев, но спокойном лице при разговоре с отцом, мальчик понял, что хозяйством руководил именно приказчик, а его положение слуги нелепо. Он отметил, что матушка относится к Грише с сочувствием, а отец с раздражением, почти с ненавистью, что охотой управлял не отец, а доезжачий Турка, который, внимательно выслушав его подробные наставления, всегда все делал по-своему. Николенька задумался о том, как преодолеть обыденные противоречия, например, между отношениями чисто практическими и основанными на его любви, привязанности к учителю, когда отец решил его уволить. Конечно, мальчик еще не понимал, какая горькая участь ожидает Карла Иваныча на старости лет. Иногда Николенька непроизвольно совершал поступки, испытывая потом чувство вины: поведал Карлу Иванычу о выдуманном дурном сне – как несут хоронить умершую матушку, хотя сам, впечатлительный, в него поверил и невольно содрогнулся при мысли о нем; обманул матушку, что плакал во сне; прочел на столе в кабинете отца адресата на конверте; наблюдал с детьми за молитвой Гриши без разрешения взрослых. Эти действия связаны с любознательностью, мечтательностью мальчика и не направлены на причинение зла другому, как проступки.

Любовь близких и особенно матери способствовали формированию самосознания Николеньки, прежде всего глобальной положительной самооценке – отношению к себе как к любимому самому по себе. Родители повлияли на восприятие и оценку Николенькой своей внешности, важной составляющей самосознания, пытаясь найти в его лице что-то хорошее. Еще в шесть лет мать, соглашаясь с очевидностью и доводами отца, призналась, что сын дурен, несмотря на его умные глаза и приятную улыбку. Ласково убеждая Николеньку в том, что он не красавец, что за его лицо его никто любить не будет и он должен это знать, мать тактично нацеливала на усвоение положительных качеств – непременно стать добрым и умным мальчиком. Он считал всех красивыми, даже учителя – первым красавцем в мире, поэтому радовался любому положительному отзыву о своей внешности и оскорблялся при казавшимся отрицательным. Его эмоциональное воображение, направляясь при переживании конфликта в часто находившие минуты отчаяния на утверждение и защиту образа «Я» [6, с. 270], говорило, «что нет счастья на земле для человека с таким широким носом, толстыми губами и маленькими серыми глазами, как я; я просил бога сделать чудо – превратить меня в красавца, и все, что имел в настоящем, все, что мог иметь в будущем, я все отдал бы за красивое лицо» [14, с. 56].

Домашнее дворянское воспитание имело огромное, решающее значение для психического развития, ведь дети осваивали такие деятельности как учебная, владение иностранными языками (французский, немецкий), танцы, верховая езда, рисование, слушание музыки в совокупности целеполагания, способов выполнения, контроля за протеканием, оценки результата, превращая их в произвольные. Становление произвольности деятельности современные исследователи считают важным приобретением ребенка в детстве [19, с. 56]. Обучение танцам начиналось с 5-6 лет. Сложные танцы того времени требовали особой хореографической подготовки, привлекательного вида, помогали владеть своим телом, учили изящным движениям – красиво ходить, стоять, присесть, подать руку и пр. [9, с. 219]. Обучение верховой езде помогало выработать с помощью тренировки такие качества, как храбрость и выносливость, требующие соответствующей силы и ловкости. Подобные физические упражнения и нагрузки укрепляли не только здоровье, но и способствовали формированию чувства собственного достоинства, произвольности поведения, таких волевых качеств, как смелость, решительность, выдержка, мужество и др. Мальчики в 10-12 лет должны были ездить уже как взрослые, хорошо выглядеть перед дамами. [9, с. 61-64, 81]. Разъезжая по двору перед охотой на своей лошадке, Николенька на замечание какого-то охотника: «Собак не изволите раздавить», гордо ответил, чтобы тот не беспокоился, ведь ему не в первый раз, т.е. он осознал себя субъектом верховой езды, положительно оценивал наличие у себя нужных для нее качеств. И все-таки сравнивая себя со старшим братом на охотничьей лошади, он завидовал его прекрасному виду. Николенька, заметив, что его тень стала длиннее прежней, самодовольно предположил, что выглядит красивым всадником. Тогда он решил вихрем пронестись мимо линейки, чтобы удивить сидевших в ней дам и особенно Катеньку, что не удалось, а прогностическая оценка умений, уровень притязаний не оправдались, нарушив самодовольство. Так опыт разных деятельностей обеспечивал становление когнитивной составляющей образа себя, т.е. знаний о себе (прекрасно держусь в седле, хорошо владею французским и пр.), а опыт общения с близкими взрослыми и детьми – аффективной составляющей, т.е. отношению к себе (я хороший, молодец, всеми любим, уважаем и пр.). Осознание своих успехов в деятельности, положительных оценок этих успехов и себя близкими способствовало становлению у Николеньки четкой и уверенной дифференцированной самооценки, гордости, самолюбия, чувства собственного

достоинства. Раздельное обучение мальчиков и девочек усиливало процессы половой социализации и половой дифференциации, а значит, и осознание половой идентичности.

К развитию у Николеньки чувства собственного достоинства, самолюбия наряду с успехами в разных деятельности приводило и наличие сословных границ. При дядьке Николае, утром принесшего платье и обувь для братьев, было совестно плакать, поэтому мальчик сдержал слезы. Как-то его наказала няня, возможно, по просьбе матушки, когда за обедом он случайно облил квасом скатерть, но не ощутил вину. Он был глубоко оскорблен, обижен, заплакал от злости, несправедливости в отношении себя, ведь не Наталья Савишна, а просто дерзкая Наталья – слуга назвала его на «ты»: «Не пачкай скатертей!», терла по лицу мокрой скатертью, как дворового мальчишку. Не вспомнив о своей вине, он задумался о том, как отплатить ей за оскорбленное самолюбие, ведь убеждение «не смейте оскорблять!», усвоенное дворянином с детства, определяло его реакции на поступки других людей в отношении себя [9, с. 55]. Когда няня принесла подарок и попросила прощения, мальчик, приняв его, не смог посмотреть на добрую старушку и заплакал сильнее уже не от обиды, а от любви и стыда.

Становлению самолюбия Николеньки способствовало также сравнение себя с Володей, отношений близких взрослых к братьям. Старший брат, самоуверенный, умный, прекрасно владеющий собой, служил для младшего постоянным и недостижимым образцом для подражания. В том, что Карл Иваныч невольно разбудил Николеньку, неловко ударив хлопучкой по мухе над его головой, тот увидел несправедливость именно к себе еще и после получения чудесных подарков в день рождения три дня назад. Ведь учитель мучает не старшего Володю, а именно его, как младшего: «Только о том и думает всю жизнь, ... как бы мне делать неприятности. Он очень хорошо видит, что разбудил и испугал меня, но выказывает, как будто не замечает... противный человек! И халат, и шапочка, и кисточка – какие противные!» [14, с. 5]. Но уже в следующее мгновение досада Николеньки на Карла Иваныча исчезла, ведь он стал будить мальчика, щекоча его пятки, а тот изо всех сил сдерживал смех. Теперь Николенька, оценив положительно Карла Иваныча: «Какой он добрый и как он нас любит, а я мог дурно о нем думать!» [14, с. 6], испытывал досаду на самого себя, на учителя и хотел плакать. Карл Иваныч же участливо старался угадать причину слез, что заставило их течь сильнее. Николенька же, ощутив свою вину, пытался осознать причины несправедливой оценки Карла Иваныча и появление отрицательных чувств к нему: «Мне было совестно, и я не понимал, как за минуту перед тем я мог не любить Карла Иваныча и находить противными его халат, шапочку и кисточку; теперь напротив, все это казалось мне чрезвычайно милым, и даже кисточка казалась явным доказательством его доброты» [14, с. 6].

Переживания Николеньки в ситуациях с няней и учителем («диалектика души» по Чернышевскому) говорят о важной роли эмоциональной сферы в детстве и обусловленной ею обостренности чувственного мировосприятия, когда в понимании окружающего, близких, самого себя и отношения к себе других людей на первый план выступают чувства. Зачастую – это чувства амбивалентные, чрезвычайно подвижные, легко переходящие от отрицательных к положительным, от дружеских к враждебным по отношению к одному и тому же человеку. Они направляют разум ребенка на выяснение причин происходящего в мире и в самом себе, стимулируя самонаблюдение и умение как бы со стороны рассматривать свои внутренние изменения, суждения и поступки, лежащее в основе рефлексии. Наглядно-образный характер познания может приводить к неадекватной оценке ситуации, поведения другого человека и себя, основанной не на понимании их внутренней сущности, а на внешних проявлениях. Николенька приписал действиям

Карла Иваныча несвойственные мотивы – тот обидел его как младшего; не вспомнил о своей вине, когда его наказала няня. Наблюдения за переменами в своих чувствах приводит к росту их осознанности, а значит возможности контроля, управления ими, т.е. превращения их в произвольные, опосредованные нравственными нормами. Теперь Николенька не только осознал свои чувства, но проявлял, старался скрыть, стыдился их, т.е. складывалась интеграция чувств, разума и воли. Отметим, что детство отличает многообразие чувств, которые, с одной стороны, усложнялись по содержанию, а другой, дифференцировались по направленности: познавательные (удивление, изумление, интерес к новому, любознательность), эстетические (восхищение красотой, чувство прекрасного, гармонии, ритма в музыке и танце), гуманные (сочувствие, участие, жалость, доброта, умиление, любовь, грусть), нравственные (самолюбие, чувство собственного достоинства, гордость, вина, стыд, досада, обида, злоба, тщеславие, страх).

Николенька, которому три дня назад исполнилось десять лет, считал себя маленьким в сравнении с братом, а тем более с родными, но страстно желал стать большим, что говорило о становлении важной составляющей самосознания – осознании себя во времени в совокупности прошлого, настоящего и будущего. Карл Иваныч по утрам бил мух над его кроватью как младшего, дядька Николай нес ему несносные башмаки с бантиками, а Володе – сапоги. Николенька испытывал досаду, что ему не дозволено сидеть за разговорами с большими до обеда на террасе. Досада, переходя в грусть, приводила к нарастанию потребности быть взрослым. Достижение взрослости он связывал наглядно-образными признаками социального статуса человека: «Когда же я буду большой, перестану учиться и всегда буду сидеть не за диалогами, а с теми, кого я люблю?» [14, с. 10]. Наталье Савишне мальчик излагал свои маскулинные мечты о будущем, основанные на наблюдениях за традиционными мужскими ролями: «когда я буду генералом и женюсь на чудесной красавице, куплю себе рыжую лошадь, построю стеклянный дом и выпишу родных: Карла Иваныча из Саксонии» [14, с. 40].

Поскольку Николенька, а также Володя, Любочка, Катенька не могли реально реализовать потребность быть взрослым, они удовлетворяли ее в сюжетно-ролевой игре. Дети брали на себя роли взрослых, выполняя их социальные функции, моделировали их взаимоотношения, разыгрывая сюжет. Они выходили в огромный неведомый мир за границы усадьбы, которые Николенька наглядно представлял: «Необозримое блестяще-желтое поле замыкалось только с одной стороны высоким синеющим лесом, который тогда казался мне самым отдаленным, таинственным местом, за которым или кончается свет, или начинаются необитаемые страны» [14, с. 25]. Дети заранее договаривались о коллективной сюжетно-ролевой игре, увлекательном занятии, чтобы долгие зимние вечера проходили весело и скоро. Они планировали ее сюжет: испытать романтику дальних странствий, отправиться в дорогу путешествовать навстречу разным приключениям; распределяли роли: один из братьев садился кучером, другой – лакеем, девочки – пассажирками; выбирали предметы согласно игровому употреблению: в коляску превращалось накрытое платками кресло, в тройку лошадей – три стула. Или сюжетом игры становилось воссоздание эмоционально значимых событий из книги о Робинзоне. Дети воображали, что плывут на рыбную ловлю и изо всех сил гребли, сидя на земле, что рвут с дерева какие-то американские фрукты или отправляются на охоту в лес с ружьем на плече – палкой. Володя, как старший, снисходительно отнесся к этой игре, несмотря на уговоры. Он не принял позу рыбака, заметив, что большее или меньшее махание руками не поможет лодке дальше уплыть, а вместо похода на охоту, лег на спину, сказав, что уже ходил. Николенька опечалился по столь незначительному поводу. Различая

реальную и воображаемую ситуацию, он понимал, что, с одной стороны, в игре из палки нельзя убить птицу или даже выстрелить, а на стульях никуда не уехать, а с другой, – что именно воображаемая ситуация составляет прелесть и основу игры, без которой она разрушается. Заметим, что описание детских игр Толстым, намного предвосхитив теории игры, в основном соответствует современным представлениям об их структуре и значении для психического развития в детстве [19, с. 51].

Объявленный отцом переезд в Москву означал, что братья перестали быть маленькими, а потому вместо битья баклуш в деревне следовало начать в городе серьезно учиться. Это известие вызвало у Николеньки амбивалентные чувства: радость при мысли, что они стали большими, жалость расставания с матушкой, бедным, несчастным Карлом Ивановичем и даже с любимой борзой собакой отца. Но в день отъезда, уже ощутив себя большим, не неженкой, мальчик не хотел, чтобы его укутали в шарф и ваточную чуйку.

Познавательный интерес, любознательность вызывал у Николеньки не только мир социальный, но и природный, пусть в редких случаях. Так, в ожидании охоты он пристально рассматривал физический облик туч в разносторонности их зрительных качеств – окрашенности, очертаний, формы, движения, выясняя, могут ли они ей помешать, если соберутся в грозу. А во время езды к месту охоты видел, слышал поток большого числа предметов и явлений в многообразии чувственных качеств: «Говор народа, топот лошадей и телег, веселый свист перепелов, жужжание насекомых, которые неподвижными стаями вились в воздухе, запах полыни, соломы и лошадиного пота, тысячи различных цветов и теней, которые разливало палящее солнце по светложелтому жнивью, синей дали леса и белолиловых облаков, белые паутины, которые носились в воздухе или ложились по жнивью». [14, с. 25-26]. Картина жизни природы в ее малых формах с обилием подробностей и деталей открылась перед Николенькой в близком поле зрения, в небольшом пространстве клочка земли у корней высокого дуба, куда он присел с собакой в ожидании зайца. Воображение мечтателя, как всегда в подобных случаях, нарисовало далекую от действительности картину: он травит уже третьего. Чувствуя решительность минуты, мальчик замер на месте, но не смог долго оставаться в неестественном положении, и поэтому стал смотреть по сторонам. Сначала его внимание непроизвольно привлекли торопящиеся по своим делам муравьи, которым он загородил дорогу хворостиной, выясняя, как они преодолеют препятствие. От интересных наблюдений за ними он с удовольствием отвлекся на рассмотрение севшей на белый цветок дикого клевера бабочки с желтыми крыльями.

Увидев прыгающего по опушке зайца, впечатлительный Николенька все забыл от ударившей в голову крови, закричал что-то неестественным голосом, отпустил собаку и побежал. Заяц скрылся из вида, а на опушку вышел доезжачий Турка. Презрительно взглянув на мальчика, он лишь сказал: «Эх, барин!» А тот, раскаиваясь в своем поступке, испытал стыд, унижение достоинства, вину: «Но надо знать, как это было сказано! Мне было бы легче, ежели бы он меня, как зайца, повесил на седло. Долго стоял я в сильном отчаянии на том месте, не звал собаки и только твердил, ударяя себя по ляжкам: «Боже мой, что я наделал!» ... но все не трогался с места...» [14, с. 28]. Отметим, что подобная импульсивность, непосредственность, ситуативность поведения, зачастую связанная с чувствительностью и плаксивостью, была характерна для мальчика. Он простился со случайно встреченной собакой Милкой, лаская и целуя ее морду, а затем расчувствовался и заплакал; узнав об отъезде, не сдержал слезы и рыдания в классе; отсидев ноги в чулане, не смог долго умиляться молитвой Гриши; непроизвольно, в подобию первой любви, поцеловал Катеньку в плечико, оказавшееся близко от

его губ, а потом в темном чулане ее руку. Не обращая внимания на презрительное замечание Володи: «Что за нежности?», со слезами на глазах он посмотрел на девочку. Хотя он «давно уже привык к ее свеженькому белокуренькому личику и всегда любил его; но теперь... внимательнее стал всматриваться в него и полюбил еще больше» [14, с. 30-31]. Николенька еще не идеализировал ее, не восхищался ее красотой, а лишь при случае хотел приблизиться или чем-то поразить – умением скакать верхом.

Вечером после охоты Николенька, возможно, неосознанно желая ослабить напряжение, беспокойство от этого эмоционально значимого события, решил его нарисовать, т.е. сформулировал замысел, определив обобщенно цель и содержание изображения. Несмотря на наличие лишь синей краски, он нарисовал синего мальчика верхом на синей лошади и синих собак, вероятно, себя как главного героя, оценив результат как очень живое изображение. Но ему не понравился нарисованный синий заяц даже после ответа отца о существовании таковых. И он переделал его изображение в куст, куст – в дерево, дерево – в скирд, скирд – в облако. Окончательный рисунок, сильно испачканный синей краской, он оценил отрицательно и с досады разорвал. Так эмоциональное воображение, направленное на защиту образа «Я», помогло мальчику с помощью отсроченного проживания в рисунке проблемы – стыда за ошибку на охоте, перенеся ее из себя в рисунок, отстраниться от нее, вспомнить ее спокойно.

День в московском доме бабушки

В Москве Николенька встретился со светской жизнью дворян, как особой деятельностью в виде балов, раутов, салонных бесед и пр., требующей специальных форм поведения, соответствующих правилам хорошего тона [9, с. 101]. Расширившийся круг знакомых удивил Николеньку новой, чуждой ему светской атмосферой неискренности, надменности, высокомерия, тщеславия, лицемерия, лживости и даже жестокости, приводя постепенно к разрушению светлой счастливой безмятежной атмосферы детства. Княгиня Корнакова, антипод матушки, наказывала своих детей розгами. Бабушка, скрыв свое недовольство ею, лишь заметила, что тогда нельзя требовать от них деликатных чувств. Отец, не возразив княгине, велел Николеньке поцеловать ей руку. А впечатлительный мальчик, не протестуя, лишь подумал о том счастье, что он не сын Корнаковой и, «целуя маленькую сухую ручку княгини, с чрезвычайной ясностью воображал в этой руке розгу, под розгой – скамейку» [14, с. 56]. Молодой гувернер братьев Ивиных, Фрост, совершенно отличный от доброго Карла Иваныча, был «тип молодого русского немца, который хочет быть молодцом и волокитой» [14, с. 63]. В результате такого воспитания барчуки Ивины презирали людей низшего сословия, Этьен Корнаков при езде на козлах кареты бил кнутом проезжающих, потеряв его, со злобой лгал лакею, отрицал свою вину. Николенька стал чаще совершать безнравственные поступки, пусть импульсивно, после испытывая чувство вины, учась различать добро и зло. Он без спроса Карла Иваныча искал в его бумагах образец для стихов; допустил в них ложь; насмешливо отозвался Сонечке об учителе; издевался с Володей и Ивиными над Илинькой Грапом; невольно подслушал разговор бабушки с князем Иваном Иванычем о своих родителях. Не предназначенные для мальчика сетования бабушки о запутанном материальном положении семьи, моральной нечистоплотности отца, трагизме судьбы любимой матери заставили задуматься о неблагополучии в мире близких, обозначив наметившееся окончание детства.

В московской жизни Николеньки выделились три важные вехи с необыкновенными событиями, сопровождаемые страданиями и радостями по их поводу. Первой стали подготовка и вручение подарка бабушке на именины. Он не помнил, как решил написать стихи. Возможно, неосознанно хотел отличиться, не

походить на Володю, приготовившего рисунок. Не найдя в домашних книгах образец для реализации цели литературного творчества, мальчик потихоньку отыскивал подходящий, проникнутый трогательным чувством в бумагах Карла Иваныча. Готовое поздравление оценил, как превосходное, а переписку его на бумагу – кривой. Более того, некоторые стихи оказались без размера, а последний сильно и неприятно поразил, даже оскорбил сравнением любви к бабушке и матери: «Стараться будем утешать и любим как родную мать». Чуткий к фальши, Николенька, восприняв неискреннюю рифму как ложь, задумался о ее причине: «Зачем я написал: *как родную мать?* ее ведь здесь нет, так не нужно было и поминать ее; правда, я бабушку люблю, уважаю, но все же она не то... зачем я написал это, зачем я солгал? Положим, это стихи, да все-таки не нужно было» [14, с. 50]. Но исправить написанное он не успел, т.к. непроизвольно отвлекся на примерку нового московского платья, посчитав его превосходным, хотя ему было в нем узко и неловко. Чудными казались панталоны, прекрасно обозначающие мускулы. Мальчик обрадовался, восхитился переменной своего внешнего облика. Долго причесываясь перед зеркалом, он не мог пригладить вихры на макушке, которые поднимались и торчали в разные стороны, придавая лицу смешное выражение. От похвалы горничной своей внешности, Николенька покраснел, «перевернулся на одной ножке, щелкнул пальцами и припрыгнул, желая ей этим дать почувствовать, что она еще не знает хорошенько» [14, с. 51], какой он действительно молодчик. Когда же позже отец сказал княгине, что Николенька будет поэтом, указав на него – этот маленький, с вихрами, тот подумал: «Что ему сделали мои вихры... разве нет другого разговора?» [14, с. 56], не заметив положительной оценки отцом своих стихов. Так самооценка своей внешности, ее оценки взрослыми влияли на аффективный образ себя.

В зале перед поздравлением бабушки Николенька ощутил тяжелое влияние непреодолимой, одуревающей застенчивости, из-за которой он не осмелится преподнести свой подарок. Ее сопровождало эмоциональное предвосхищение последствия будущего действия [6, с. 269]. С одной стороны, оно включило вегетативные и моторные реакции: голос не слушался мальчика, он «чувствовал, как кровь от сердца беспрестанно прилиwała... в голову, как одна краска на лице сменялась другою и как на лбу и на носу выступали крупные капли пота. Уши горели, по всему телу... чувствовал дрожь и испарину, переминался с ноги на ногу и не трогался с места» [14, с. 52]. С другой стороны, оно заставило Николеньку переживать по поводу возможных результатов деятельности, предвидеть реакцию окружающих на нее. Он не мог овладеть собой из-за мысли о вине перед матушкой: «при всех прочтут мои никуда не годные стихи и слова: *как родную мать*, которые ясно докажут, что я никогда не любил и забыл ее» [14, с. 52]. Мальчик сильно страдал, когда бабушка читала вслух его стихи, останавливаясь на середине, как казалось ему, с насмешливой улыбкой, произносила не так, как ему хотелось, когда, не дочитав до конца, попросила отца прочесть все сначала. Она сделала это потому, считал Николенька, что «ей надоело читать такие дурные и криво написанные стихи, и для того, чтобы отец мог сам прочесть последний стих, столь явно доказывающий мою бесчувственность» [14, с. 53]. Он ожидал от бабушки отрицательную оценку сочинения в виде щелчка по носу стихами со словами: «Дрянной мальчишка, не забывай мать», а она похвалила его. Повзрослев, он определил зависимость нарастания застенчивости и снижения решительности от времени: «Те, которые испытали застенчивость, знают, что чувство это увеличивается в прямом отношении времени, а решительность уменьшается в обратном отношении, то есть: чем больше продолжается это состояние, тем делается оно непреодолимее и тем менее остается решительности» [14, с. 52].

Второй вехой в московской жизни Николеньки стало знакомство с тремя братьями Ивиными, необыкновенным событием – любовь к Сереже, второму из них, а аморальным – участие в унижении Илиньки Грапа. Мальчиков объединили совместные игры, хвастовство друг перед другом выполнением гимнастических упражнений. Им нравилась подвижная игра с мужским приключенческим сюжетом о защите и нападении, где Николенька в роли жандарма ловил Сережу – разбойника, грабившего проезжающих – остальных ребят. Когда Сережа сильно ударился коленом о дерево, Николенька участливо поинтересовался не больно ли ему, тот не только возмутился, что игра распадется, если жандарм его-разбойника не ловит, но с громким смехом побежал догонять проезжающих. Николеньку поразил геройский поступок Сережи, которому игра помогла проявить нравственно-волевые качества – храбрость, смелость, мужество: «несмотря на страшную боль, он не только не заплакал, но не показал и виду, что ему больно, и ни на минуту не забыл игры» [14, с. 63]. Подчеркнем еще раз понимание Толстым структуры и значения игры для психического развития в детстве.

Единственное побуждение в жизни ребенка в детстве, по мнению Толстого, – беспредельная потребность в любви, причем в любви не только к родным и близким взрослым, но в дружеской привязанности к товарищу, первой влюбленности в сверстницу, ожидание от них ответного чувства. Но если любовь Николеньки к близким взрослым взаимная, то к Сереже – хотя такая же яркая, сильная, но односторонняя и переживаемая впервые. Эти особенности чувства заставили мальчика анализировать причины его возникновения и безответности, специфику протекания («диалектика души» по Чернышевскому), тем самым накапливать опыт самонаблюдения, рефлексии, понимания своих эмоций, возможности управления ими. В отличие от подобия любви – влюбленности в Катеньку, дружеское отношение к Сереже отличалось глубиной, осознанностью переживаний, ростом их произвольности. Оно было вызвано эстетическим чувством – поражением, восхищением с первого взгляда его оригинальной красотой, и проявлялось в огромной восторженности, преклонении, преданности, привязанности к нему. Непреодолимое влечение к Сереже состояло в желании видеть его, что было достаточно для счастья, и в этом сосредоточивались все душевные силы идеалиста-мечтателя Николеньки. Не встречая его три-четыре дня, мальчик скучал, грустил до слез. Сережа стал предметом всех его мечтаний во сне и наяву: «ложась спать, я желал, чтобы он мне приснился; закрывая глаза, я видел его перед собою и лелеял этот призрак, как лучшее наслаждение» [14, с. 61]. Он настолько дорожил новым чувством, что никому не решился поведать о нем. Сережа же предпочитал общаться с Володей, считал Николеньку, из-за отсутствия симпатии к нему или пресыщения постоянно устремленным на него взором мальчика. Несмотря на безразличие Сережи, Николенька был доволен тем, что видит его, и больше ничего не желал, не требовал и был готов всем для него пожертвовать. То есть он был пассивен к предмету преклонения, не стремился понравиться ему, заинтересовать своей персоной. Наряду со страстным влечением к Сереже Николенька испытывал страх не понравиться ему, огорчить, оскорбить чем-нибудь. Причины страха он видел в надменном выражении лица Сережи; в собственной высокой оценке преимуществ красоты у других в отличии от презрения своей внешности; в признании страха непременным признаком любви. Но мальчик склонялся к последней причине, ведь когда впервые Сережа заговорил с ним, он, настолько «растерялся от такого неожиданного счастья, что побледнел, покраснел и ничего не мог отвечать ему» [14, с. 61]. Несмотря на желание Николеньки признаться в своих чувствах Сереже, он слишком его боялся, старался казаться равнодушным, безропотно ему подчинялся. А тот, чувствуя свою власть над мальчиком, бессознательно, но тиранически использовал ее в их детских

отношениях. У Николеньки не было сил выйти из-под этой власти, хотя он ощущал ее тяжелое, несносное влияние. Он даже перенял дурную привычку Сережи, как милую, «останавливать глаза на одной точке и беспрестанно мигать, подергивая при этом носом и бровями» [14, с. 61]. Взрослому Николеньке было «грустно вспомнить об этом свежем, прекрасном чувстве бескорыстной и беспредельной преданности, которое так и умерло, не излившись и не найдя сочувствия» [14, с. 62]. Причину его смерти он видел в стремлении скорее быть взрослым, т.е. лицемерить, выражать свои чувства сдержанно и корректно, следуя светскому этикету [9, с. 153]. Поэтому не следовало поцеловать Сережу, взять за руку, сказать, что рад его видеть, назвать Сережей, а как заведено – Сергей. Влияние потребности быть большим и вести себя по их нормам взрослый Николенька так оценил: «Не пройдя еще через те горькие испытания, которые доводят взрослых до осторожности и холодности в отношениях, мы лишали себя чистых наслаждений нежной детской привязанности по одному только странному желанию подражать *большим*» [14, с. 62].

Безграничное доверие к мнению товарищей, связанные с ним беззаботность, необдуманность возможных результатов своих действий, импульсивность поведения привели Николеньку к участию вместе с Володей и братьями Ивиными в жестоком унижении Илиньки Грапа, сына бедного иностранца, выходца из низшего сословия. В нем Николенька, не сомневаясь, видел вслед за ребятами объект насмешек, презренное существо, о котором не стоило ни думать, ни жалеть, хотя с возрастом нашел, что он был услужливый, тихий и добрый мальчик. Когда однажды испуганный Илинька отказался от предложения Сережи встать на голову, ребята, схватив мальчика, поставили его в такую позу, смеясь над криками отчаяния бедной жертвы. Внимательно наблюдая за поведением детей, Николенька колебался в оценке их действий. Услышав тяжелое дыхание Грапа, он не был уверен, что эта шутка смешная и веселая. Вырываясь, Илинька нечаянно ударил каблуком Сережу по глазу, а тот, невольно заплакав от боли, изо всех сил так толкнул обидчика, что он упал на пол, со слезами спросив, за что его тиранят. Когда рыдающий Илинька злобно назвал Сережу негодным мальчишкой, тот накинулся на него. А несчастный, не защищаясь, только закрывал руками голову. Теперь Николенька уже «с участием посмотрел на бедняжку, который, лежа на полу..., плакал так, что, казалось, еще немного и он умрет от конвульсий, которые дергали его тело» [14, с. 66]. На уточнение Николеньки о причине поступка Сережи, тот заметил, что не заплакал, разбив ногу в игре. И мальчик окончательно решил: Илинька – плакса, а Сережа – настоящий молодец. То есть внешними проявлениями переживаний Грапа он не видел их внутреннюю сущность. Позднее возвращаясь к нравственной оценке своего поведения и моральных страданий жертвы, Николенька признался, что «не сообразил того, что бедняжка плакал, верно, не столько от физической боли, сколько от той мысли, что пять мальчиков, которые, может быть, нравились ему, без всякой причины, все согласились ненавидеть и гнать его» [14, с. 66]. Учась различать добро и зло, чтобы не следовать чужому мнению и воле, Николенька искал причину своей жестокости, отсутствия сострадания к Илиньке. Ведь он плакал, сочувствуя галчонку, выброшенному из гнезда; щенку, выкинутому за забор; курице, предназначенной для супа. Он пожалел, напомним, увольняемого Карла Иваныча, Сережу, ударившего колена в игре. Приходя к пониманию, что его жестокость не была обдуманным желанием причинить боль мальчику, Николенька посчитал, что сострадание к нему заглушила привязанность к Сереже и стремление выглядеть перед ним таким же молодцом, как и Сережа, а эти переживания – единственные темные пятна в его детских воспоминаниях.

Третьей вехой в московской жизни Николеньки стал бал по поводу именин бабушки, а необыкновенным событием – любовь к Сонечке Валахиной, сменившая любовь к Сереже. Бал для дворянина являлся своеобразным общественным действием, формой социальной организации дворянского сословия, а его главным элементом выступали танцы, определяя стиль общения, манеру разговора и пр. [9, с. 219]. Эстетическое чувство – восхищение чудесной милой Сонечкой с обворожительной улыбкой на прекрасном личике возбудило интерес Николеньки к ней, как ранее к Сереже, переросший в увлеченность, а затем во влюбленность. Испытывая огромное желание понравиться девочке, возвыситься в глазах предмета любви, он колебался между застенчивостью и самоуверенностью, как обычно переживая амбивалентные чувства, скачки прогностической самооценки и связанного с ней уровня притязаний в ожидании успеха или неудачи в общении («диалектика души» по Чернышевскому). К сближению с Сонечкой Николеньку подтолкнула бабушка, назвав его партнером по танцам, а он, эмоционально предвосхищая неудачу, ощущая нарастание застенчивости, покраснел. Когда же бабушка показала гостям его руку в старой грязной перчатке, без среднего пальца, сказав, что этот молодой человек старается быть элегантным, чтобы танцевать с дочерью госпожи Валахиной, гости засмеялись, а Николенька сморщился от стыда, считая безупречный внешний вид важным на танцах. Но перед громко, естественно смеявшейся Сонечкой ему не было совестно, более того, они стали смеяться вместе. Так эпизод с перчаткой, показавшийся Николеньке самым страшным, избавил его от застенчивости. Детей сблизил хорошо освоенные мальчиком все фигуры французской кадрили, знание французского языка, заметим, как результата не только эффективности домашнего обучения, но и его интереса к этим деятельности. Взрослый Николенька определил зависимость застенчивости от знания человеком мнения других людей о себе: «Страдание людей застенчивых происходит от неизвестности о мнении, которое о них составили; как только мнение это ясно выражено – какое бы оно ни было, – страдание прекращается» [14, с. 72]. Но перерыве между танцами он, застенчивый, не знал, как начать с Сонечкой разговор и о чем, а ведь правило хорошего тона советовало вести себя так, чтобы ваше общество было приятным для окружающих [9, с. 127]. Поэтому он обрадовался вопросу девочки об уморительной перчатке, импульсивно рассказав о ее владельце – учителе с иронией: «какой он смешной, когда снимает красную шапочку... как он раз в зеленой бекеше упал с лошади – прямо в лужу» [14, с. 73]. А после, ощутив вину, учась различать добро и зло, задумался: «зачем я с насмешкой отозвался о Карле Иваныче? Неужели я потерял бы доброе мнение Сонечки, если бы я описал ей его с теми любовью и уважением, которые я к нему чувствовал?» [14, с. 73]. Самоуверенность, смелость, дерзость, радость Николеньки, упоение своим успехом возросли после второй кадрили с Сонечкой, поэтому он с осознанием своей силы пригласил на контрданс большую девицу, опередив молодого человека. Но в мазурке мальчика подвел навык, говорящий об интересе к танцам и уровне владения их техникой, заставив выполнить ее старинные движения: «знакомые звуки мазурки, действуя на мой слух, сообщили известное направление акустическим нервам, которые в свою очередь передали это движение ногам; и эти последние, совершенно невольно... стали выделять фатальные круглые и плавные па на цыпочках» [14, с. 75]. Растерянный Николенька остановился, а тур за него закончил по-старинному отец. Неудачу мальчик воспринял как ужасное событие, снизив самооценку и уровень притязаний: всё пропало, все его презирают, ему закрыта дорога к дружбе, любви, почестям. Пережить стыд помогло эмоциональное воображение, обратившееся для защиты образа «Я» к воспоминаниям о матушке, не покрасневшей бы за него, о родной усадьбе – олицетворению прошлой радости: «луг перед домом, высокие

липы сада, чистый пруд, над которым вьются ласточки, синее небо, на котором остановились белые прозрачные тучи, пахучие копны свежего сена» [14, с. 76].

Самоуверенность Николеньки вновь возросла, когда, забыв ошибку с мазуркой, он с восторгом, безудержным весельем кружился с Сонечкой в grosфатере, хохотал, ловко выделывал ногами самые забавные движения. Так он активно старался понравиться девочке, предмету любви, в отличии от пассивности при увлечении Сережей. Но его прогностическая самооценка и связанный с ней уровень притязаний продолжали колебаться. Свое отражение в зеркале, несмотря на недостатки, ему понравилось: «лицо было в поту, волосы растрепаны, вихры торчали больше чем когда-нибудь; но общее выражение лица было... веселое, доброе и здоровое» [14, с. 77]. Тогда Николенька подумал, что если бы он всегда так выглядел, то понравился бы и другим. Но взглянув на прекрасное личико Сонечки с выражением веселости, здоровья и беззаботности, он решил, что глупо надеяться обратить на себя внимание такого чудесного создания. Переполненный счастьем идеалист-мечтатель, как и при привязанности к Сереже, не помышлял о взаимности: «Я не понимал, что за чувство любви, наполнявшее мою душу отрадой, можно было бы требовать еще большего счастья и желать чего-нибудь, кроме того, чтобы чувство это никогда не прекращалось. Мне и так было хорошо. Сердце билось, как голубь, кровь беспрестанно прилиwała к нему, и хотелось плакать» [14, с. 77]. Он даже, проходя мимо темного чулана, вообразил будущее – прожить век в нем с Сонечкой, чтобы никто об этом не знал. Ощущение счастья возросло после предложения видеться во время прогулок ее с матерью каждый вторник и пятницу, перейти на «ты». Николенька обещал проситься гулять во вторник, но не осмелился сказать ни одной фразы с «ты», хотя и придумывал их. Никого и ничего не видя кроме Сонечки, он был уверен, высоко оценив ее внешность и поведение, что в нее влюблены все мальчишки, и что, уходя, уже высоко оценив себя, она кивнула головой именно ему. Он холодно попрощался с Сережей, ведь привязанность к нему, его власть над ним исчезли. Взрослый Николенька так оценил перемены в своих чувствах: «Я в первый раз в жизни изменил в любви и в первый раз испытал сладость этого чувства. Мне было отрадно переменить изношенное чувство привычной преданности на свежее чувство любви, исполненной таинственности и неизвестности. Сверх того, в одно и то же время разлюбить и полюбить – значит полюбить вдвое сильнее, чем прежде» [14, с. 79].

Сравнивая вечером объекты прежней и новой любви, Николенька удивился долгой и страстной преданности к Сереже, который никогда не понимал, не ценил это чувство, а потому не стоил его. Идеалист-мечтатель, опираясь на всплывший в памяти прелестный ясный образ Сонечки, «мысленно разговаривал с нею, и разговор этот, хотя и не имел ровно никакого смысла, доставлял... неопишанное наслаждение, потому что *ты, тебе, с тобой, твои* встречались в нем беспрестанно» [14, с. 79]. Радостные мечты и воспоминания вызвали сладостное волнение, грусть, желание плакать. Николенька в этот раз поделился избытком своего счастья с Володей: он хотел всегда видеть Сонечку, быть с ней, чтобы все были в нее влюблены, был готов пожертвовать собой ради нее – с радостью выпрыгнуть в окно или броситься в огонь, как ранее ради Сережи. То есть его по-детски непосредственное, наивное чувство к Сереже, Сонечке было искренним, бескорыстным, чистым. Он счел глупостью реализм Володи, уверенного, что лучше не плакать от любви, а разговаривать с девочкой и расцеловать ее. Счастливое детство Николеньки оборвалось на высшем пике переживания необыкновенного чувства к девочке, наметив переход к отрочеству.

Индивидуальность душевного облика Николеньки складывалась, подчеркнем вслед за И.В. Страховым [13, с. 30], из главных черт в эмоциональной сфере (амбивалентность, подвижность чувств с их резкими переходами, колебания

от застенчивости к самоуверенности, впечатлительность, излишняя плаксивость, чувства любви, дружеской привязанности, самолюбия, собственного достоинства); в умственной (наблюдательность, конкретная образность познания, мечтательность, обостренность самонаблюдения, рефлексии относительно своих качеств, переживаний, размышлений и отношения к себе других людей); в нравственной (колебания от лжи, жестокости к сочувствию, доброте, осознанию вины, готовности к самопожертвованию, следованию светским идеалам, от импульсивности к произвольности поведения).

Окончание счастливой поры детства

Почти через полгода жизни в Москве отец с сыновьями вернулись в усадьбу из-за болезни матери. Страх и горе чувствительного Николеньки усилили вид печальных заплаканных слуг, мрачная, душная спальня с лежащей на кровати в забытии умирающая. Запах мяты, одеколона, ромашки и гофманских капель настолько поразили впечатлительного мальчика, что ощущение или лишь воспоминание о нем сразу переносило в спальню, воспроизводя все мельчайшие подробности той ужасной минуты. Образная память сохранила ничего не видящий, страшный взгляд матушки, выражающий огромное страдание.

Поздно вечером на другой день Николенька, преодолев невольный страх, пришел увидеть лежащую в гробу мать, впервые встретиться с одной из самых значительных тайн бытия – смертью самого дорогого близкого человека. Из-за заплаканных глаз и расстроенных нервов «все как-то сливалось вместе: свет, парча, бархат, большие подсвечники, розовая, обшитая кружевами подушечка, венчик, чепчик с лентами и еще что-то прозрачное, воскового цвета» [с. 88]. Он встал на стул, чтобы рассмотреть лицо матери. Но увидев бледно-желтоватый прозрачный предмет, не поверил, что это ее лицо. Внимательнее вглядываясь в него, он узнавал знакомые, милые черты. Николенька «вздрогнул от ужаса, когда убедился, что это была она, но отчего закрытые глаза так впали? отчего эта страшная бледность и на одной щеке черноватое пятно под прозрачной кожей? отчего выражение всего лица так строго и холодно? отчего губы так бледны и склад их так прекрасен, так величествен и выражает такое неземное спокойствие, что холодная дрожь пробегает по ...спине и волосам» [14, с. 88], когда он вглядывался в него? Непонятная, непреодолимая сила притягивала его к безжизненному лицу, зарождала осознание понятий жизни и смерти, выражая борьбу восприятия действительности, настоящего – смерти матушки с прошлым, памятью, мечтами о ней живой. Вид бессмысленного предмета – мертвого тела не имел ничего общего с ее образом, улыбающимся, веселым. Но какая-нибудь черта на ее бледном лице вновь возвращала к ужасному настоящему, и его заменяли мечты о прошлом, а их снова разрушало сознание реальности. Когда борьба настоящего с прошлым утомила Николеньку, он потерял сознание своего существования, действительности, испытав «какое-то высокое, неизъяснимо-приятное и грустное наслаждение» [14, с. 89], созданное эмоциональным воображением для защиты образа «Я». Это состояние мальчик воспринял как последнее прощание матушки с ним: «Может быть, отлетая к миру лучшему, ее прекрасная душа с грустью оглянулась на тот, в котором она оставляла нас; она увидела мою печать, сжалилась над нею и на крыльях любви, с небесною улыбкою сожаления спустилась на землю, чтобы утешить и благословить меня» [14, с. 89]. И именно эта минута самозабвения была для Николеньки настоящим горем, которая помогла вернуться к реальности, не отрицать утрату, а примириться с ней. Пробудившись от скрипа двери вошедшего в комнату дьячка, он подумал, что тот примет его за бесчувственного мальчика, который встал на стул из жалости или любопытства в не трогательной позе. Тогда Николенька перекрестился, поклонился и заплакал, выказав общепринятые в этой ситуации формы выражения чувств, скрыв истинные

переживания, т.е. его чувства стали произвольными, опосредованными светскими нормами их выражения. Заметим, что дворянское воспитание требовало мужества, безукоризненного владения собой не только в сфере физических нагрузок, но и в нравственной – переносить удары судьбы, не падая духом, не теряя собственного достоинства, превозмогать страх, отчаяние, боль, не показывая, что это трудно. Внешняя сдержанность и самообладание, связанные с обостренным чувством собственного достоинства, предполагали, во-первых, не обременять окружающих, скрывать от них свои переживания, досаду, огорчение, горе, слабость, смятение и пр., во-вторых, защищать свой внутренний мир от посторонних глаз [9, с. 88, 98]. Этим правилам следовали бабушка, отец, да и Николенька, не показывая Сереже чувства к нему, свое отношение к княгине Корнаковой, ее сыну, гувернеру Фросту.

Николенька, оставшись наедине со своим горем, так как с родными он не мог его разделить, углубился в анализ своих страданий. Он стыдился своей грусти до и после погребения матушки, ведь ее подменило тщеславие, выставяющее напоказ самолюбивые чувства: желание показать, что он огорчен больше всех; забота о производимом им действии на других; бесцельное любопытство к лицам присутствующих. Николенька презирал себя за эти чувства, старался их скрыть, а поэтому его печаль была неестественная и неискренняя. Более того, он ощущал какое-то наслаждение от знания своего несчастья, старался возбудить сознание о нем, и это эгоистическое чувство заглушало его истинную печаль. Всю ночь перед панихидой Николенька спал крепко и спокойно, как обычно после сильного огорчения, а его слезы высохли и нервы успокоились, чему, возможно, помог созданный эмоциональным воображением образ прощания с матушкой у ее гроба. Поэтому во время панихиды он был хладнокровен, не молился о душе, хотя, произвольно показывая горе, плакал, крестился, кланялся в землю. Он думал о новом полуфрачке, который жал подмышками, о том, как бы не слишком запачкать панталон на коленях. Наблюдая за близкими, он сомневался в соответствии внешнего выражения их горестных чувств истинным переживаниям. Посторонние были ему несносны, их слова утешения отцу о том, что матушке будет там лучше, что она была не для этого мира, вызывали досаду, ведь они не имели права говорить и плакать о ней, как и называть ее детей сиротами. Его поразили страшный пронзительный крик пятилетней крестьянской девочки при виде лица покойной. Теперь он понял причину сильного тяжелого запаха, который, смешиваясь с запахом ладана, наполнил комнату. А мысль о том, что недавно красивое и нежное лицо матушки, любимой больше всего на свете, вызвало ужас, подтвердила горькую правду настоящего, вызвала отчаяние.

Грусть у Николеньки вызвало сохранение привычного образа прежней семейной жизни после похорон, когда все жили в своих комнатах, трапезы проходили в обычное время, мебель стояла на своих местах, только матушки не было. Мальчику казалось, что пережитое несчастье должно изменить уклад жизни, ведь он оскорблял память о ней, слишком напоминал о ее отсутствии. Поэтому поговорить и поплакать о своем горе он ходил каждый день к Наталье Савишне, так как ее тихие слезы и спокойные набожные речи приносили отраду и облегчение. Отсроченное переживание горя помогло Николеньке отстраниться от него, перенести его из себя наружу, чтобы вспоминать о нем спокойно. Одна простая мысль няни поразила Николеньку: по своей святой воле бог взял мать затем, что она достойна была, ведь ему добрые и нужны. Как и мать в предсмертном письме, няня указала на бессмертие материнской любви, наказав мальчику: «...вашу маменьку вам забывать нельзя; это не человек был, а ангел небесный. Когда ее душа будет в царствии небесном, она и там будет вас любить и там будет на вас радоваться» [14, с. 93]. Глубоко пораженная горем она продолжала заниматься своими обычными делами, ведь ей не было присуще тщеславие в

отличие от Николеньки. Взрослый он пришел к выводу: «Тщеславие есть чувство самое несообразное с истинною горестью, и вместе с тем чувство это так крепко привито к натуре человека, что очень редко даже самое сильное горе изгоняет его. Тщеславие в горести выражается желанием казаться или огорченным, или несчастным, или твердым; и эти низкие желания, в которых мы не признаемся, но которые почти никогда – даже в самой сильной печали – не оставляют нас, лишают ее силы, достоинства и искренности» [14, с. 95].

В Москве Николенька наблюдал, как бабушка пережила смерть дочери – первое огромное горе, поразившее ее и приведшее к отчаянию. Но он больше сочувствовал печали Натальи Савишны, убежденный, что лишь она искренне и чисто любила мать. Взрослый Николенька определил взаимосвязь переживаний любви и горя, относящуюся не только к бабушке, но к няне, а возможно, и к нему: «Только люди, способные сильно любить, могут испытывать и сильные огорчения; но эта же потребность любить служит для них противодействием горести и исцеляет их. От этого моральная природа человека еще живучее природы физической. Горе никогда не убивает» [14, с. 96]. Счастливая пора детства Николеньки окончилась встречей с трагической тайной бытия – смертью близких людей: мучительной смертью матушки и тихого богоугодного ухода из жизни Натальи Савишны без сожаления и страха, с непоколебимой верой в законы евангелия. Тяжелые воспоминания при посещении их могил приводили мальчика к мысли: неужели судьба соединила его с ними для вечной скорби о них. Окончание детства означало переход к новой эпохе – отрочеству, где утеряны невозполнимые личностно-эмоциональные связи с самыми близкими, горячо любимыми взрослыми и родным домом, а есть горе и страдания, разлука и печаль. Завершение детства наряду с переживанием невозполнимой утраты было связано со становлением нового уровня самосознания, поведения, деятельности.

Заключение

Л.Н. Толстой впервые в русской художественной литературе середины XIX в. в повести «Детство» представил целостную картину психического развития в детском возрасте как систему важных особенностей и закономерностей этого процесса, т.е. описал становление внутреннего мира ребенка в совокупности чувств, разума, поступков. Идеи и размышления писателя не только предвосхитили психолого-педагогические открытия того времени, но и остались актуальными для современности. Детство, как первую, лучшую пору жизни человека, считал Толстой, отличают: 1) глубокие эмоционально-личностные связи с матерью, удовлетворяющие важную потребность ребенка в ее беспредельной любви наряду с потребностью в любви родных людей; 2) условиями духовного роста ребенка выступают его тесные непосредственные взаимоотношения, общение с близкими взрослыми и детьми, освоение разных видов деятельности, познавательная активность, направленная на вхождение в социальный мир дворянской семьи и светского общества, его понимание; 3) мировосприятие ребенка, нацеленное прежде всего на познание социального мира, а иногда и мира природы, отличает обостренная наблюдательность, впечатлительность, эмоциональность, наглядная образность, мечтательность; 4) для чувств характерны высокий накал, дифференциация, нарастание осознанности, произвольности, возможности управления ими, столкновение амбивалентных переживаний с их резкими переходами, а также интеграция с разумом и поступками; 5) становлению самосознания в совокупности образов себя: когнитивного – знания о своих качествах, половой идентичности, осознания себя во времени и аффективного – эмоционального отношения к себе, а также общей положительной, дифференцированной и прогностической самооценок способствует самонаблюдение, складывающееся на основе анализа взаимосвязей со взрослыми

и детьми, успехов в собственной деятельности, переживаний, размышлений, поступков, а также потребности быть взрослым; б) встреча с несправедливостью нацеливает на различение добра и зла, понимание нравственных критериев поступков, как другого человека, так и своих, переживание вины, стыда, гордости за свои действия; 7) освоение разнообразных видов деятельности, характерных для дворянской среды, направляется по пути превращения их из ситуативных, импульсивных в произвольные, в совокупности целеполагания, способов выполнения, контроля за их ходом и оценки полученного результата; 8) индивидуальность формируется как степень выраженности тех или иных особенностей в сфере развития чувств, познания, нравственности, самосознания, деятельности; 9) счастливая пора детства заканчивается встречей с трагической тайной человеческого бытия – смертью родного человека, означая переход к новой эпохе – отрочеству, где есть горе и страдания.

Литература

1. Билинкис Я.С. Новаторство Л.Н. Толстого в трилогии «Детство». «Отрочество». «Юность». Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1973. 42 с.
2. Бирюков П.И. Родители и дети в произведениях Л.Н. Толстого. М.: Типография Высочайше утвержденного Товарищества И.Д. Сытина. 1898. 71 с.
3. Бороздин А. К. Дети в произведениях гр. Л. Н. Толстого // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. № 10. С. 768-788.
4. Бурсов Б.И. Автобиографическая трилогия // Лев Толстой. Идеи и творческий метод. 1847-1862. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры. 1960. С. 82-176
5. Воскресенская В. Дети в литературе XIX века. (Окончание) // Вестник воспитания. 1910. № 3. С. 75-114.
6. Запорожец А.В. К вопросу о генезисе, функции и структуре эмоциональных процессов у ребенка // Избр. психолог.: В 2-х т. Т. 1. Психическое развитие ребенка. М.: Педагогика. 1986. С. 260-275
7. Карлова Т.С. Мастерство психологического анализа в ранних произведениях Л.Н. Толстого. Казань: Изд-во Казанского университета. 1964. 100с.
8. Купреянова Е.Н. «Детство». «Отрочество». «Юность» // Л.Н. Толстой. Сборник статей / под общей ред. Д.Д. Благого. М.: Учпедгиз. 1955. С. 70-97
9. Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. М.: LINKA-PRESS. 1995. 270 с.
10. Пирогов Н.И. Вопросы жизни // Избр. пед. соч. М.: Педагогика. 1952. С. 55-84
11. Пустошкина Т.В. Мифологема детства в русской прозе 20-40-х гг. XIX века. Ее своеобразие и развитие. Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. М. 2011. 18 с.
12. Савина Л.Н. Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX в. (Л.Н. Толстой «Детство», С.Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», Н.Г. Гарин-Михайловский «Детство Темы»). Автореф. дисс. ... д-ра филолог. наук. Волгоград. 2002. 40 с.
13. Страхов И.В. Психология литературного творчества (Л.Н. Толстой как психолог). М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК». 1998. 384 с. (Серия «Психологи отечества»)
14. Толстой Л.Н. Детство // Детство. Отрочество. Юность. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры. 1955. С. 3-99
5. Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями. В 2 тт. Т. 1. М.: Худ. лит-ра. 1978. 2-е изд., доп. 495 с.

6. Урунтаева Г.А. Художественная литература как средство познания в отечественной детской психологии XIX – начала XX вв. (системный анализ) // Системная психология и социология. 2022. № 3 (43). С. 100-108

17. Чернышевский Н.Г. Детство и отрочество. Сочинение графа Л.Н. Толстого. Военные рассказы графа Л.Н. Толстого // Полное собр. соч. в 15 тт. Т. III / под ред. В.Я. Кирпотина. М.: ОГИЗ Гос. изд-во худ. лит-ры. 1947. С. 421-431

18. Чуприна И.В. Трилогия Л. Толстого «Детство», «Отрочество» и «Юность» Саратов: Изд-во Саратовского университета. 1961. 191 с.

19. Эльконин Д.Б. Избр. психолог. труды. М.: Педагогика. 1989. 560 с., ил.

20. Эпштейн М., Юкина Е. Образы детства // Новый мир. 1979. № 12. С. 242-

257